

Title	Останется ли место социализму в грядущем веке?
Author(s)	Танака, Юдзо
Citation	Acta Slavica Iaponica, 10, 130-142
Issue Date	1992
Doc URL	https://hdl.handle.net/2115/8045
Type	departmental bulletin paper
File Information	KJ00000033998.pdf

Останется ли место социализму в грядущем веке?

Юдзо Танака

1. Введение.

Еще несколько лет тому назад многие ставили вопрос: как изменится социализм? Каким он будет в наступающем XXI в.? Однако после бурных событий 1989 г. в Восточной Европе все меньше стали говорить об изменении социализма. Речь теперь шла о возможности дальнейшего его существования вообще. Такая постановка вопроса стала особенно актуальной после августовских событий в Москве в этом году. Действительно теперь стало уже ясно, что в СССР и странах Восточной Европы дальнейшее изменение общества будет проходить не по «социалистическому пути», а тот «социализм», который пока остается в некоторых странах, никак не может интересовать людей в передовых государствах как образец их будущей жизни. Итак, все чаще и громче слышатся заявления о том, что социализм потерпел поражение: в исторической битве с капитализмом он побежден.

Конечно, есть и иная позиция: «Да, социализм побежден, но не капитализмом, а самим собой.» Это утверждение недостаточно аргументировано, хотя бы потому, что нельзя не видеть большого прямого влияния, которое товары и информация с Запада оказали на события, происшедшие в бывших социалистических странах. Тем не менее, так же трудно сказать, что капитализм стал победителем, так как он тоже находится в состоянии тяжелобольного. В этой связи некоторые могут утверждать, что и в будущем социализм останется живым и необходимым как идея, как сила, противостоящая грубому проявлению противоречий капитализма и ограничивающая в определенных пределах его «поведение.»

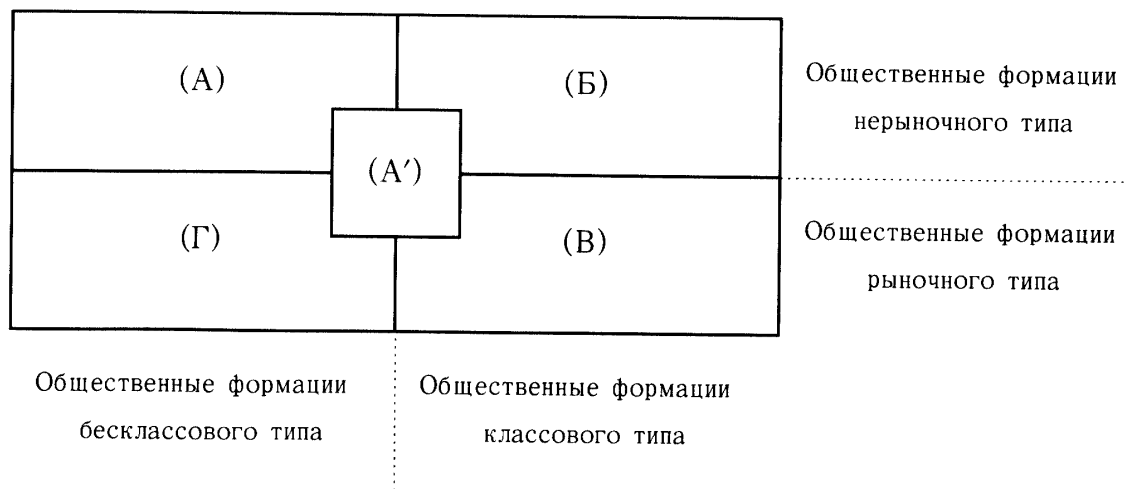
Однако здесь сразу же возникают вопросы. Во-первых, хотя в течение всего последнего столетия социализм действительно оказывал большое корректирующее влияние на капитализм, не являлось ли это следствием того, что социализм представлял собой реальную альтернативу капитализму как общественная система? Может ли социализм оказывать подобное влияние на будущий капитализм при условии, что возможность существования его как самостоятельной системы уже исключена? И, во-вторых, если под социализмом понимается общество, цель которого достижение большего равенства, социальной защищенности и т. д., то не лучше ли назвать такое общество не социализмом, а как-то по-другому. Например, модифицированным народным капитализмом и т. п.? В противном случае получается так, что все без исключения современные общества являются в какой-то мере «социалистическими» и весь вопрос сводится только к степени их «социалистичности».

Ясно, что все зависит от определения. Так было всегда и везде. Но особенно сейчас и особенно о «социализме» каждый имеет полное право на определение его сущности – так много неясного в этой проблеме. Автору данной статьи хочется остаться на «классической» позиции: социализм является определенной общественно-экономической формацией,¹ которая приходит на смену капитализму в процессе развития человечества. Весь вопрос в том, как можно охарактеризовать основные черты ее экономического базиса. Это и есть тема, по которой автор ниже будет пытаться представить свои соображения и просит читателей откликнуться критическими замечаниями по их поводу.

2. Этапы развития человеческого общества.

Даже чистейшая фантазия о далеком будущем не может обойтись без теории К. Маркса и истории советского государства, если речь идет о социализме как общественной системе. Поэтому автор предпочитает представить читателям свое понимание социализма будущего с помощью одной схемы, которая построена с учетом Марксовой теории исторического развития человеческого общества.

Схема последовательной смены общественных формаций

Как видно из схемы, все общественные формации размещены в четырех зонах (А, Б, В и Г), разделяемых горизонтальной и вертикальной линиями. Две верхние зоны (А и Б) обозначают такие типы общественной формации, где общественное разделение труда не опосредуется рыночными отношениями, а две нижние зоны (В и Г) – формации рыночного типа. Далее, две левые зоны (А и Г) обозначают общественные формации, где в основном отсутствует классовое деление общества и отношения эксплуатации человека человеком; две правые зоны – формации классового типа.

Как уже ясно читателям, зона А представляет собой прежде всего ту систему, которая обычно называется первобытно-общинной. Историки утверждают, что гомосапиенс большую часть времени своего существования на планете находился именно в этой зоне.

Потом постепенно стали появляться «большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., 5 изд., т. 39, стр. 15). Однако при сложившихся таким образом и продолжавшихся тоже долгое время рабовладельческом и феодальном обществах главным механизмом организации общественного разделения труда выступал не рынок: основная масса производителей сами не определяли и не могли определять свою «производственную программу» и не обменивали как товар основную часть продукта своего труда. Такие классовые и в принципе не рыночные общественные системы на схеме представлены зоной Б.

Переход от зоны А к зоне Б несомненно был крупным шагом вперед в истории человечества. Но не менее крупным шагом был переход от зоны Б к зоне В, означавший появление капиталистической системы, которая, с одной стороны, по-прежнему остается классовой, но, с другой, уже является в принципе рыночной. Классовость этого общества заключается в том, что в нем основная масса средств производства находится в руках немногих и служит средством применения наемного труда и присвоения его прибавочного продукта. Словом, при этом типе общества существуют отношения капитала и наемного труда и свойственные им экономические категории «заработная плата», «прибыль» и пр. А «рыночность» этого общества заключается в том, что подавляющая часть основных производственных единиц (т. е. предприятий) действует самостоятельно и при принятии решений исходит прежде всего из своих интересов. Конечно, и у них нет и не может быть «полной свободы действия», но общественное ограничение и регулирование их деятельности в принципе осуществляются через общие правила для всех и не принимают форму дифференцированных указаний, спускаемых каким-то общественным центром каждому предприятию. Обратной стороной медали выше указанного единообразия правил общественного регулирования деятельности предприятий является «общее правило», действующее при взимании налога с предприятий, что обеспечивает даже при наличии прогрессивной системы налогообложения довольно монотонную взаимосвязь между объемом производственного вклада разных групп людей и объемом их конечного дохода. Благодаря этому обеспечиваются основные условия образования между предприятиями горизонтальных отношений рыночной конкуренции. Тот же самый механизм способствует и тому, чтобы многомиллионные отряды непосредственных работников

проявляли свои способности в наиболее полной степени. Ясно, что эти свойства рыночного механизма составляют основной элемент динамизма капитализма, который был так рельефно изображен К. Марксом в его «Манифесте коммунистической партии» и продолжает действовать в Западном мире.

О том, что человечество в своем развитии проходило через три названные выше зоны, сомнений мало. Краткая характеристика каждой из этих зон, данная автором, тоже, наверное, не вызовет много споров. А что же дальше? Куда движется и будет двигаться человечество, покидая зону В? Или, может быть, дальше пути уже нет?

Просим читателей еще раз посмотреть на нашу схему. Не напоминает ли она детскую игру, в которой фишки переходят из одной зоны в другую в определенной очередности? Даже в детской игре нарушение правил передвижения фишек наказывается приказом в адрес нарушителя: «отступайте назад в зону Х» и т. д. А как в случае поэтапного развития человеческого общества?

На минуту представим себе, что в поэтапной смене общественных формаций существует такое строгое правило (закон исторического развития общества), что человечество в своем поступательном движении может перейти из зоны В только в зону Г, где, в отличие от зоны В, в основном ликвидировано классовое строение общества, но все еще продолжают существовать рыночные отношения в качестве основного механизма организации общественного разделения труда. Если при этом кем-то предпринимается попытка перейти из зоны В в какую-то другую зону, ясно, что такая попытка не может быть не обречена на провал и строго наказана историей. Не это ли произошло с «построением социализма в СССР»? Собственно, куда стремились лидеры социалистической революции двадцатого века и куда они на самом деле попали?

На первый вопрос ответить довольно легко. Ясно, что большевики, придерживаясь учения К. Маркса, считали, что вместо капитализма наступит такое состояние общества, в котором преодолены и «классовость» и «рыночность», т. е. зона А. И для Маркса, и для большевиков «спиральный» возврат к зоне А, откуда началась вся история человечества, представлялся важнейшей исторической закономерностью. Но к нашему огромному сожалению, это было большим заблуждением и оно лежит в основе основ трагической судьбы русской революции и «мировой системы социализма» двадцатого века.

Среди ученых нет полного единогласия относительно позиции Маркса по вопросу о роли рыночных отношений в будущем обществе. Действительно, Маркс умышленно избегал детального описания будущего общества, чем часто увлекались многие из его предшественников. Но это вовсе не значит, что у классиков марксизма нет высказываний относительно основополагающих черт будущего общества. Рыночная система как раз является одной из таких черт и о ней мы можем найти у

Маркса и Энгельса довольно четкие и недвусмысленные высказывания. Всем известны следующие строки из «Анти-Дюринга»:

“Когда общество вступает во владение средствами производства и применяет их для производства в непосредственно общественной форме, труд каждого отдельного лица, как бы различен ни был его специфически полезный характер, становится с самого начала и непосредственно общественным трудом. Чтобы определить при этих условиях количество общественного труда, заключающееся в продукте, нет надобности прибегать к окольному пути; повседневный опыт непосредственно указывает, какое количество этого труда необходимо в среднем... Люди сделают тогда все это очень просто, не прибегая к услугам прославленной <стоимости>.” (Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, 2-е изд., т. 20, стр. 321).

К. Маркс пишет в «Критике Готской программы»: “В обществе, основанном на началах коллективизма, на общем владении средствами производства, производители не обменивают своих продуктов; столь же мало труд, затраченный на производство продуктов, проявляется здесь как стоимость этих продуктов, как некое присущее им вещественное свойство, потому что теперь, в противоположность капиталистическому обществу, индивидуальный труд уже не окольным путем, а непосредственно существует как составная часть совокупного труда.” (Соч. т. 19, стр. 18).

Гипотеза Маркса и Энгельса об исчезновении рыночных форм при организации общественного разделения труда, высказанная ими здесь, полностью соответствует той позиции, которая отражена в главном труде Маркса «Капитал». Итак, ясно что в картине первой стадии коммунизма Маркса нет места для рыночной системы или товарно-денежных отношений.

Правда, Маркс нигде не писал о том, когда будет создана такая нерыночная система экономики, какой промежуток времени потребуется для преодоления товарных форм. На этой основе нередко высказывалась мысль о том, что Маркс, хотя и предвидел исчезновение товарных отношений, предполагал, что это произойдет только в очень далеком будущем. Автор этой статьи не может согласиться с этой версией. Неужели можно поверить в то, что вся дискуссия вокруг Готской программы касалась вопроса неопределенно далекого будущего? Не ставили ли Маркс и Энгельс задачу национализации экономики в качестве одной из главных мер, осуществляемых сразу после захвата власти пролетариатом? Нельзя забывать о том, что Маркс был революционером и оставался им всю свою жизнь.

Все же как появилась у Маркса мысль о «нерыночном будущем»? Какое место занимает она в его учении в целом?

Ясно, что по данному вопросу на классиков марксизма оказали большое и непосредственное влияние идеи их предшественников – от Т. Мора до утопистов XIX в. Стоит отметить, что первые, критикуя последних за утопичность их идей, никогда не критиковали их за то, что они предусматривали ликвидацию товарно-рыночных отношений в будущем

обществе. Однако ясно и то, что Маркс не просто наследовал идею своих предшественников. В отличие от утопистов у Маркса идея нерыночной организации общественного производства имела очень солидное обоснование, взятое из реальной жизни. Тут мы уже подходим к вопросу о месте идеи ликвидации рыночной системы во всей концепции Маркса о преобразовании буржуазного общества.

По нашему мнению, пониманию последнего вопроса лучше всего помогает еще одно положение из «Анти-Дюринга». Энгельс, излагая свою мысль о так называемом основном противоречии капитализма, пишет, что данное противоречие проявляется в двух главных формах, а именно: в классовом антагонизме и в анархии общественного производства. Эти два момента как раз и составляют две оси координат, которые имеются в нашей схеме. Тут важно учесть, что понимание сути капитализма как рыночной и одновременно классовой системы полностью соответствовало действительности мировой экономики времен Маркса и Энгельса: в середине прошлого века экономике развитых стран все больше стали угрожать выступления рабочего класса и периодически повторяющиеся разрушительные кризисы. Поэтому вполне было естественно, что классики марксизма видели главную задачу пролетарской революции в ликвидации двух названных зол. Также понятно, что они нашли способ преодоления этих зол в «обобществлении средств производства». Последнее было для них тем камнем, с помощью которого можно было, как говорят японцы, убить двух птиц сразу. Итак, ясно, что по мнению классиков марксизма перед капиталистическим обществом лежал только один путь, а именно, путь революционного перехода в зону А.

Теперь второй вопрос: куда попали большевики?

Во время строительства социализма в СССР большевики как раз и придерживались изложенной выше стратегии и в определенном смысле успешно завершили свою задачу. Они на самом деле ликвидировали те «два зла», причем за очень короткий срок и тем самым вышли из зоны В. Однако они не вошли и не могли войти в зону А.

В связи с тем, что указание Маркса «куда идти» было гораздо более абстрактным, чем его же указание «откуда уйти», ни большевикам ни зарубежным наблюдателям долгое время не было ясно, что же было построено в этой стране. Такая ситуация способствовала распространению официальной идеологии: построен социализм как первая стадия коммунистической формации, т. е. завершён переход в зону А. Однако со временем становилось все виднее, что такое утверждение очень далеко от реальности. Вместо господствующего класса капиталистов сложилась мощная структура партийно-государственной номенклатуры. Рыночный же механизм был уничтожен почти полностью и заменен командной системой организации общественного разделения труда. Товарно-денежные категории оставлены полуживыми и обречены служить чужому хозяину. Эта ультрацентрализованная система хозяйствования, которая в свое время была создана диктаторской политической властью,

превратилась в мощный оплот той же самой власти. Что за «мутант» был создан? Ряд авторов называют его государственным социализмом, другие – государственным капитализмом особого типа. Однако, нам кажется, что трудно отнести этот строй ни к зоне В, ни к зоне А. Его лучше не называть ни капитализмом, ни социализмом. Только ради удобства мы назовем этот строй «квасисоциализмом» и обозначим его в схеме А'. Возможно место для данной системы отведено в нашей схеме не совсем удачно. Это объясняется тем, что тот строй, который был создан в СССР, представлял собой не закономерную стадию исторического развития, а некое отклонение от нее. Поэтому естественно, что он не мог найти себе логически обоснованного места в схеме, изображающей исторически закономерную смену общественных формаций.

3. Примерный образ рыночного социализма и возможность его реализации.

Нам уже давно пора перейти к вопросу о рыночном социализме. Однако, прежде чем перейти к нему, надо коснуться хотя бы вкратце еще нескольких вопросов, имеющих прямое отношение к понятию «рыночная система».

Первое – это вопрос исключительной альтернативности «рынка» и «командно-административной системы» как форм организации общественного разделения труда. Здесь имеется в виду, что современная экономика может функционировать только на основе одного из этих принципов и третьего принципа, отличного и от первого и от второго, просто не существует.

Несколько сложнее обстоит дело с вопросом возможности существования пути, эклектически соединяющего «план» и «рынок». Возможен ли такой путь? Если под планом понимается сознательное управление хозяйственной жизнью вообще или, скажем, составление и исполнение государственного бюджета, то никто не будет говорить о противоречии между таким «планом» и «рынком». Другое дело, если под ним понимаются обязательные, конкретные, адресные указания, спускаемые из центра предприятиям, т. е. планирование командного типа. В этом случае принципиальная несовместимость «плана» и «рынка» налицо. здесь важно отметить то, что элементы командного планирования не могут не оказывать губительного влияния на действие рыночного механизма даже тогда, когда они допускаются в ограниченных рамках. Убедительным доказательством последнего утверждения являются неудачи всех без исключения попыток внедрить товарно-рыночные отношения во всех бывших странах социализма.

Разумеется, что вышеуказанная альтернативность двух начал относится только к тому или иному сектору (укладу) народного хозяйства. Она, конечно, не исключает того, что народное хозяйство состоит из двух или более секторов, которые функционируют на основе разных начал.

Поэтому, когда мы говорим о «формации», «системе» и т. д., мы имеем в виду характерные черты того сектора, который господствует в ней.

Образно говоря, правильно выбрать стог, в котором находится искомая иголка – это еще не значит найти иголку. Определение сферы возможного существования будущего социализма в рамках зоны Г представляет собой только первую ступень к решению задачи и автор спешит перейти ко второй ступени, т. е. выяснению основной характеристики предприятия, которое будет выступать главной фигурой при рыночном социализме.

Почему именно предприятие? Потому, что оно составляет основную клеточку хозяйственного организма, в которой отражаются все главные элементы последнего. Опять же потому, что без такой конкретизации все рассуждения относительно будущего строя повиснут в воздухе. И, наконец, потому, что предприятия – это то, что отсутствует в Марксовой картине «будущей ассоциации свободных людей».²

Не вдаваясь в детали, попытаемся изложить только основные характеристики предприятия рыночного социализма, удовлетворяющие двум отмеченным выше требованиям – свободному предпринимательству и отсутствию отношений эксплуатации.

(а) Предприятие (т. е. коллектив, работающий на нем) состоит из людей, равных по отношению к собственности на средства производства. Среди них нет неравенства в получении доходов или в участии в управлении, связанного с владением акциями или паями. Все полномочия, гарантируемые предприятию законом, осуществляются самым коллективом или избранными им представителями.

(б) Наем и увольнение осуществляются в обычном порядке. Однако после заключения соответствующего контракта рабочий становится равноправным «сохозяином», если не сразу, то по истечении небольшого срока.

(в) Предприятие действует как самостоятельный товаропроизводитель и само принимает решения по всем вопросам хозяйственной деятельности. Последняя регулируется извне только законами и правилами.

(г) Предприятие владеет и свободно пользуется тем имуществом (основные фонды и оборотные средства), которое получено из какого-либо фонда (государственного, муниципального и т. д.). Однако оно обязано, во-первых, бессрочно сохранять неизменной стоимость данного имущества и, во-вторых, регулярно выплачивать фонду определенный процент от общей стоимости имущества за его эксплуатацию. Процентная ставка устанавливается на достаточно высоком уровне так, чтобы основная доля части добавленной стоимости, соответствующей нормативному коэффициенту использования средств, взималась в фонд. Сверхнормативный доход, образуемый благодаря умелому использованию средств, остается на предприятии. Этим обеспечивается стимул к лучшему хозяйствованию и к осуществлению высоко-эффективных капиталовложений.

(д) Капиталовложения на предприятии осуществляются по решению самого предприятия за счет дополнительных средств, получаемых из фонда. Спрос и предложение дополнительных средств в принципе регулируется уровнем процентной ставки. Таким образом по поводу различных видов средств производства, складываются своеобразные заемные отношения между фондом и предприятием.

(е) Добавленная стоимость, создаваемая на предприятии, за вычетом указанной выше платы, образует чистый доход предприятия. Последний после уплаты подоходного налога в принципе идет только на коллективное и индивидуальное потребление работников и на образование различных резервных фондов для успешного ведения хозяйства и стабилизации доходов. Эта часть может также облагаться налогом в зависимости от целей использования.

(ж) Вся сумма средств, необходимых для капиталовложений, накапливается в фонде на основе налоговых поступлений. Использование предприятием остающихся у него средств в целях накопления допускается только в порядке исключения и в ограниченных размерах. Словом, здесь функция накопления капитала в принципе отделена от функции его вложения.

Само собой разумеется, что в вышеизложенной модели рыночного социализма есть много моментов, которые нуждаются в дальнейшем уточнении. К ним, в частности, относятся: гарантии сохранения стоимости средств, используемых на каждом предприятии; механизм регулирования спроса и предложения на дополнительные средства; меры предотвращения возникновения тенденции к сокращению найма и т. д. Однако нам кажется, что эти моменты не представляют собой проблем принципиального характера и в конечном счете могут быть разрешены так или иначе. Поэтому вместо того, чтобы детально рассматривать эти вопросы, остановимся на вопросе более фундаментального порядка, а именно – специфики стимула к труду при рыночном социализме.

В середине 60-х годов на фоне все отчетливее проявлявшихся трудностей в экономике реального социализма, многие стали думать, что основная причина его неудач повидимому заключается в том, что ему не удалось создать «социалистического человека», т. е. человека с высокими моральными качествами. Как известно, такая идея была заложена в основе «Великой культурной революции» в Китае. Все знают, к чему привела эта попытка. В настоящее время, имея перед глазами окончательный крах «реального социализма», люди вспоминают этот исторический пример и задают себе вопрос: не противоречат ли идеи социализма самой натуре человека? Нам кажется, что над этим вопросом действительно стоит подумать.

Ясно, что здесь мы имеем дело в первую очередь с вопросом материального стимулирования труда. Обычно стимулирование обеспечивает более или менее пропорциональную связь между объемом трудового вклада (Т), получаемым доходом (Д) и степенью удовлетворения

личных потребностей (П): чем больше Т, тем больше Д и П. Так как именно Д и П составляют основу для «всестороннего развития личности», мы можем предполагать, что обеспечение вышеуказанной связи есть требование самой природы человека.³

Мы уже знаем что при «квазисоциализме», характеризуемом командной формой организации общественного разделения труда, эта связь не была и не могла быть обеспечена. Такое положение вещей не может повториться при будущем социализме. С другой стороны, мы знаем, что механизм материального стимулирования к труду действует при капитализме довольно интенсивно. Значит ли это, что будущий социализм должен будет наследовать тот же самый принцип материального стимулирования, который существует при капитализме?

Хотя на первый взгляд содержание стимула к труду, действующего при капитализме, может казаться гомогенным, оно на самом деле является гетерогенным. Дело в том, что при капитализме люди могут превращать часть своего дохода в капитал и тем самым получать дополнительные Д и П. В результате взаимосвязь между Т и П двуслойна: первая часть стимула к труду основана на П, пропорциональной Т, а вторая его часть – на дополнительной, прибавочной П. Если назвать эти две части стимула соответственно стимулами первого и второго рода, то поставленный выше вопрос можно перефразировать так: может ли нормально функционировать такая система экономики, при которой действует только стимул первого рода, а стимул второго рода в принципе отсутствует? По мнению автора, возможность рыночного социализма в будущем прежде всего зависит от ответа на этот вопрос.

Этот вопрос не так мучил бы нас, если бы стимул второго рода при капитализме действовал только в узком кругу небольшой части населения (капиталистов). В таком случае мы могли бы предполагать, что при переходе от капитализма к рыночному социализму интенсивность действия материального стимула к труду в обществе в целом существенно не упадет. Однако подобное предположение далеко не реально. Тут дело не только в том, что многие «некапиталисты» стремятся стать капиталистами, или в том, что существует множество институтов, превращающих большую часть населения в мелких получателей дополнительной П, но также и в том, что на фоне конкуренции ее получение на уровне предприятия становится делом всех работников данного предприятия. Одним словом, действие стимула второго рода при капитализме вовсе не ограничено узкими рамками «капиталистов»: в сферу его влияния вовлечено практически все население.

Итак, общую картину можно резюмировать следующим образом. Для «квазисоциализма» было характерно распределение по труду, оцениваемому вышестоящими организациями. Для капитализма характерно распределение по труду и капиталу. Что касается рыночного социализма, то для него будет характерно распределение по труду, оцениваемому рынком. Очевидно, что третий принцип будет намного

более действенным по сравнению с первым, при котором повсеместное возникновение форм «мягкого бюджетного ограничения» (Я. Корнаи) и связанных с ними явлений субъективизма и коррупции просто неизбежно. А как по сравнению со вторым принципом? Имеются основания предполагать, что ликвидация распределения по капиталу будет выступать фактором, усиливающим стимул к труду постольку, поскольку она означает переход к более «справедливому» распределению. Однако, как мы видели выше, это же самое изменение означает и исчезновение стимула второго рода и, в этой связи, оно не может не выступить фактором, ослабляющим стимул к труду.

Предвидеть сейчас, что получится в итоге, конечно, довольно трудно. Тем не менее нам кажется очень вероятным, что в целом стимул к труду действующий при рыночном социализме, будет значительно слабее, чем стимул, действующий при капитализме. Если это будет так, то данное обстоятельство не может не отразиться на темпах развития общественного производства и т. д. Означает ли это, что в конце концов рыночный социализм и социализм вообще не могут претендовать на право существования в мире будущего?

Когда В. И. Ленин в известной статье «Великий почин» писал, что победит тот общественный строй, который сможет обеспечить наивысшую производительность труда, он лишь перефразировал ту мысль, которая уже высказывалась основоположниками марксизма. Наверное и Ленин, и его учителя были правы в свое время. И, вероятно, то, что можно сказать по отношению к строю в отдельной стране, можно сказать и по отношению к строю, господствующему в мировом масштабе. Но, как говорят, на этом свете все меняется и всему есть предел. Возможно человечество уже подходит к такой стадии своего развития, на которой оно не может отдать предпочтения наиболее быстрому развитию производства? Возможно сам закон истории уже требует от человечества не наращивания, а наоборот, замедления темпов развития производительных сил? Признаков и симптомов, дающих пищу для такого рода размышлений, немало. А именно: истощение природных ресурсов, прогрессирующее загрязнение окружающей среды, увеличивающийся разрыв между «Севером» и «Югом», моральное опустошение, вызванное ожесточенной конкурентной борьбой и т. д., и т. п. Поэтому, наверное, есть смысл серьезно задуматься, не нуждается ли завтрашний мир в какой-то общественной системе, для которой характерны более сдержанные темпы развития производства и более умеренные стимулы к труду? Не будет ли отвечать этим требованиям система рыночного социализма, избавленная от стимула второго рода?

Во всяком случае очевидно то, что в завтрашнем мире может развиваться только такая общественная система, которая будет способствовать решению глобальных проблем, перечисленных выше. В этой связи нас интересует и такой вопрос: как может повлиять на охрану и улучшение окружающей среды преодоление классовой структуры

общества, предусмотренное в перспективной схеме рыночного социализма? Если бы только была надежда, что исчезновение классового антагонизма будет способствовать созданию «единого фронта» всего населения в этой исторической битве против неограниченного стремления человека к потреблению, то уже одно это могло бы быть довольно веским доводом в пользу рыночного социализма.

Возникает и другой вопрос. Если на самом деле стимул к труду, действующий при рыночном социализме, значительно слабее, чем подобный стимул при капитализме, то ясно, что общественная система, основанная на таком стимуле, не может существовать только в одной стране, как бы высоко ни была она развита: жестокая логика международной конкуренции просто не позволила бы построить рыночный социализм в «отдельно взятой стране». Что означает такое обстоятельство с точки зрения реально существующей картины современного мира, где параллельно с распадом СССР происходит процесс образования нового обширного сообщества народов на европейском континенте?

Перечень таких вопросов не имеет конца. Однако автор считает, что он и так злоупотребил временем уважаемых читателей. Поэтому он заканчивает свои размышления словами сердечной благодарности в их адрес.

Примечания

- 1 Согласно ортодоксальной позиции до начала перестройки считалось, что самостоятельной формацией является не социализм, а коммунизм, куда входит социализм как его низшая фаза. Автор данной статьи не разделяет эту позицию, так как считает, что вопрос так называемого коммунизма в узком смысле слова пока представляет собой не предмет научного анализа, а скорее – некой религиозной веры. Более того, он считает, что ортодоксальная двуступенчатая модель коммунизма вредна для разработки научной теории социализма. Она мешала и мешает выяснить главное: что такое социализм вообще и каков механизм воспроизводства ее стабильных, самодовлеющих и долго продолжающихся отношений.
- 2 Журнал «Сякайсюги-кэйдзай-кэнкю», единственный японский журнал, специализирующийся на изучении экономики социализма, посвятил свой последний номер (ноябрь 1991 г.) ответам, полученным от 57 японских экономистов на вопросы анкеты журнала о будущем социализма. Среди них есть, в частности, такой вопрос: «Если будет построен социализм в XXI веке, то как будет выглядеть основной тип предприятия в нем?».
- 3 Стимул к труду является очень сложной категорией и его содержание вовсе не сводится только к соотношению между Т, Д и П. Тем не менее последнее пока что занимает центральное место в мотивации труда. Это положение вещей будет продолжаться и в обозримом будущем.

Такое понимание, подтвержденное историческим опытом, дает нам право сосредоточить свое внимание на вышеуказанном соотношении при различных системах экономики. Здесь важно учитывать и следующее обстоятельство. Человек живет не только хлебом, но и честью. Ему часто дорого общественное признание его труда не в меньшей степени, чем денежное вознаграждение. Но такое общественное признание его трудового вклада, являющееся по своей природе категорией морального порядка, не имеет и не может иметь иной универсальной формы выражения, нежели денежное вознаграждение. В этой двойкой природе денежного вознаграждения кроются и необходимость, и возможность применения прогрессивного налогообложения дохода: номинальный доход выполняет одну функцию, а реальный доход после вычета налогов – другую.